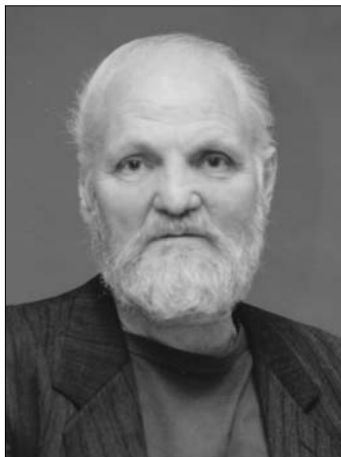

ВЛАДИМИР КРУПИН

НЕДЕЛЯ В РАЮ

РАССКАЗ

Великорецкие крестоходцы

Опять год прошёл, опять мы вместе

Доехали по асфальту только до поворота. Свернули на просёлок, сразу сели. Машину еле вытащили. Ещё одну на трассе тормознули, перегрузили вещи и... тоже сели. Опять вытаскивали. Больше на колёса не надеялись, всё навьючили на себя: еду и питьё, лопаты, топоры и поплелись знакомой дорогой. Двенадцать километров. Грязища. Идём опять мы, как и ходили все эти годы: бригадир наш крановщик Анатолий и Толя, поэт, идут работяги, два Александра, один с бородой, другой без, идёт, опять же поэт, Лёша, а с ним впервые идёт сыночек-семилеток Ваня, инженер Володя, писатель и поэт Николай, молчаливый Леонид, он заикается, иду и я, аз многогрешный. Год не виделись. Год, а как его и не было, этого года. Ибо главное в нашей жизни — Великорецкий Крестный ход.

Уже и годы смешались в нашей памяти. Что в том году было, что в позатом, путаем. Да и не важно. Важно, что возрождается место, бывшее село Горохово, где Крестный ход останавливается на длительное время — три часа. Тут и молебны, и погружение в купель, и набирание воды в дорогу из чудотворных источников.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа "Спасение погибших", путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор "Православной азбуки", "Детского церковного календаря", книги "Русские святые". Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

Идём, идём. Тянет поклажа плечи, но душа ликует и сердце поёт. А какой лес по сторонам, какие просторы. Но надо же отметить радость встречи. Как без этого? Русские же люди!

— Бригадир! — взываем мы. — Год не виделись! Ведь мы же фактически ещё и не встретились! Ведь пока не грешно: Крестный же ход ещё из Вятки не вышел.

— А где присесть? — резонно отвечает он. — Мокрота же. Не отмечать же на ходу.

— А что особенного, — говорит Толя-поэт, — Хемингуэй работал стоя и никогда не знал простоя. Вон лесок впереди. Под ёлочкой-то как хорошо.

Анатолий назидает, уводя в сторону:

— Маргаритушка прошла семьдесят раз, у меня посоха для зарубок не хватит. — У Анатолия на посохе зарубки, обозначающие количество Крестных ходов. — Вот Ванечка сможет пройти много раз. Хорошо, что ты с этих лет пошёл. Да, Иван?

Ваня пока стесняется говорить, жмётся к отцу. Тот называет его мурено:

— Дружище, отвечай: к тебе глаголот. Мы входили в веру через терния и потери, через сомнения, а ты можешь войти органически, через радость.

— Лёша, от сына отстань, — советует Толя и говорит Ване: — Скажи папаше резко, Вань: “В такую грязь, в такую рань меня, папаша, не болвань”. Ведь верно, Вань?

— Ой, ребёнки, — смеётся Анатолий.

— Толя! — вскрикивает Саша. Подскакивает к Толе и достаёт у него из-под ног пёстрого шмеля. — Шмелик какой хорошенький красивый, мирное какое животное. Лапками умывается. Полетел!

На возвышенном месте посуше, идти полегче. Анатолий назидает:

— Кто без покаяния умирает, а паче того — без отпевания, двадцать мытарств проходит. Весь мир будет их проходить. Что видим в мире? Безпредел, ужас! Что видим: воровство, пьянка, разврат! — Он останавливается. — Ребёнки, мы так не дойдём. Надо Акафист святителю Николаю читать. Крестный-то ход Никольский.

Передышка

Останавливаемся, снимаем с плеч груз. Читаем Акафист святителю Николаю. Пытаемся даже петь, но иногда не очень согласно.

— Ничего. В прошлом году так же, не сразу спелись. А вы, ребёнки, за зиму сколько хоть раз Акафист читали?

— Чего с интеллигентов спрашивать? — вопрошает Толя. — Пойду солону поджигать.

Толя вообще поджигатель и разжигатель костров. Вскоре от оставленных груд соломы начинает идти густой серо-белый дым. Его ветром несёт на нас. Задыхаемся, сердимся на поэта, он хладнокровно объясняет:

— Это дымовая завеса, я вас маскирую, скрываю. С самолёта, чтоб не видно.

— От Бога ты нигде не скроешься, — наставляет Анатолий.

— Смотрите! — Толя весь озаряется. — Впервые такое вижу! Целое поле аютиных глазок. Да-а. Где бодрый серп гулял и красовался колос, теперь... — запинаясь.

— Теперь простор везде, и российские поля уже не рождают *быстрых разумом Платонов*, — привычно поддевает Лёша.

— Вот у этого затона я прочёл всего Платона, — отбивается Толя.

Оба Александра и Ваня рвут цветы. К иконе Казанской Божией Матери. Образ Её сохранился в Горохове на стене колокольни.

Саша оцарапал палец. Толя — он врач — перевязывает:

— Тут операция нужна, тут надо обработать спиртом. Ты понял, бригадир? Тебе нужны здоровые работники или как? Я хирург. А хирург — это

взбесившийся терапевт. — И снова подговаривается к выпивке: — “Сжѣг я средь поля сырые снопы и только за стопку сойду со стопы”. Нам не для пьянки, а чтоб форму не потерять.

— Лучше сойди со стопы и сядь, в ногах правды нет, — уклоняется Анатолий, — вся правда в Евангелии. Отдохнём и дальше пойдѣм. Молча. Каждый читай про себя молитву Иисусову.

Идѣм дальше

И в самом деле, много раз замечаешь на Крестном ходу, что, когда идѣшь и отвлекаешься на разговоры, то ноги тяжелеют, а когда идѣшь и молишься, идти сразу легче.

Шагаем. Дождя уже нет. Ветерок обдувает, сушит. Ещё и то хорошо при ветерке, что он отгоняет от нас всяких крылатых насекомых. А когда ветерка нет, то и жарко, и комары, оводы всякие нападают, впиваются, пьют кровь. Место укуса долго потом зудит и чешется. Даже и лучше, когда бывает холодно. Тогда этих тварей нет.

Всякая погода бывала в эти годы, ведь уже скоро двадцать лет как ходим. И жарница египетская бывала, и холод. Да такой, что трава покрывалась инеем, а закрайки у реки Великой обледеневали. Всегда бывали и дожди, и град обрушивался. Но всегда и радуга выгибалась небо. Иногда даже тройная. И всегда бывала радость. Этого не понять не верящим и не ходившим на Великую. Лупит град, крестоходцы голову закрывают, сами ликут: так нам и надо, так нас, Господи! Накажи и прости!

И вот уже увиделась вдали гороховская колокольня. Плечи расправились, пошли повеселее. Радостно запели “Царю Небесный”. Сил прибавилось. Знакомый приговор, низина, кладбище, снова вверх. Дошли.

Пришли

В Горохово “обходим владенья свои”. Купели, конечно, исчезли, смыты водополищей. Ничего, наладим, на то и посланы. У родника сделаны три трубы. Из двух льются хорошие струйки, из крайней к лесу — чуть-чуть. С радостью пьѣм, умываемся — благодать! Вершинки леса осветились — это солнышко пробивается к нам сквозь тучи. У Саши прямо сияющее лицо.

— Толя, помнишь в прошлый год, ты не хотел погружаться в источник?

Саша напоминает случай из нашей жизни в прошлый Крестный ход. Мы оборудовали купели и погружались по очереди. А Толя потерял образок святителя Николая и сказал, что это ему знак — запрещение. “Без него не пойду”. Мы всё осмотрели, обыскали — нет образочка. А вечером вернулись — глядим — да вот же он, над источником! Чудо!

— Да, — кричит Толя, — не очень-то я был рад этому чуду, боялся холода. Но! Пришлось! Зато доселе жив! Перезимовал.

Соображаем, чем займѣмся в первую очередь. Потом во вторую и третью. Много надо успѣть до прихода паломников.

Конечно, и работаем, и жизни радуемся, и о многом успеваем наговориться у костра.

Как начиналось

Нашу бригаду или артель, как угодно, сдружил и сплотил Великоорецкий Крестный ход — это главное чудо вятской земли. Да разве только вятской! Уже идѣт этим ходом вся Россия, всё Зарубежье. Ходу свыше шестисот лет. Наши предки дали обет каждый год носить чудотворную икону святителя Николая из Вятки на реку Великую, туда, где она была обретена.

Выполняя этот обет, мы вместе с другими ходим с иконой много лет. Помним, как шло нас человек двести, все друг друга знали, а сейчас идѣт по пятьдесят тысяч и больше. Кто откуда. Вятских, в сравнении с другими, мало. Но вятские выполнили главное дело — сохранили Крестный ход. Вот и наша

бригада вся вятская. Все по происхождению сельские, то есть умеющие всё делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.

Нашу бригаду уже давно батюшки благословили уходить заранее вперёд, готовить встречу Крестного хода в Горохове. Там, на третий день пути, большая остановка с Акафистом святителю Николаю, с двумя молебнами, с погружением в купели, с общим обедом. Но ведь и купели, и обед надо кому-то приготовить. В церкви, пусть она ещё без куполов, тоже прибратся.

Горохово было огромным селом: сельсовет, средняя школа, больница, но большевики и сменившие их коммунисты, ненавидя Православие, уничтожили его. В прямом смысле. Как фашисты. Жители были насильно изгнаны, переселены, а все избы, все постройки сожгли. Сгребли бульдозерами в одно место и подожгли. Дым, как крик о помощи, восходил к небесам. И услышал Господь. Увидел наши малые труды и дал сил на дальнейшие. Диву сами даёмся, что было и что постепенно становится. В прошлом году разбирали фундамент школы, поражаясь его размерам. Разбирали, потому что нужен кирпич для возрождения церкви. Её тоже взрывали, но взорвать до конца не смогли.

Трудовые будни

Возвращаемся к костру. Закат перемещается к востоку встречать восход. Щедрый к ночи бригадир разливает, говорит Толе: “Пей первым, ты больше видел горя”.

Ночью изжога, бессонница. Выходил. Так хорошо дышится. Светлая прохлада. Комары молчат. Скрипит коростель. Из домика выскакивает бригадир, хватает полешко и с криком: “Получай, фашист, гранату”, — швыряет её в кусты. Коростель рад такому вниманию, усиливает звук.

Под утро оживил костёр, поставил чайник. Захожу в избушку с романсом: “Утро туманное, утро холодное, вставай, бригада, вставай, голодная”. Толя, просыпаясь: “Меня осканяйте, чтоб не думать о Канте. Я храпел?” — “Храпели все, кроме тебя”.

Идём к роднику. Роса, холод. Шли только умыться. Но пришли, стали работать. И вот интересно: то ли так рады встрече, то ли труд наш очень нужен для участников Крестного хода, но здесь любая работа — в радость, а не в тягость. “Нам денег не надо, работу давай”, — это бравый бригадир. Меня гонит делать завтрак.

— Чай будешь заваривать, — наставляет он, — воду не прокарауль. До кипения не доводи. Слушай шум. Зашумит, как пчелиный улей, — заваривай. Смородины добавь.

Иду через густо-зелёный дуг с полянками золотых купавок, с ароматной белизной черёмух. Поднимешь глаза — лес, ели — как остроконечные шлемы древнего воинства. О, как весь год рвалось сюда сердце, и так хочется вновь надыхаться ещё на год.

Завтрак тороплив — некогда чаи распивать, хоть и смородиновые: работы много.

За год купель истратилась, приходится заново восстанавливать. В неё лезут те, кто в сапогах, — Лёша и Сапа. Мы на подхвате. Ваня оказывается незаменимым. Бегаёт то за тем, то за этим к домику, помогает и мне. Моет посуду, да так, что за ним перемывать не надо.

У купели делаем бревенчатый настил на тонком месте, ступени на склоне, перила к ним. Изготовили и устанавливаем арку при подходе к источнику. Над ней — Крест. Кто ходил на Крестный ход, обрадуется новым свершениям, кто пойдёт впервые, будет думать, что так оно и было. А пойдёт неисчислимое море людей, и все будут погружаться в купель, набирать воду после водосвятного молебна.

Горбатимся, копаем, идёт синяя глина, целебная, лечебная, но такая тяжёлая. Ещё ходим за осинами, спиливаем, притаскиваем, разделяем по размеру. Не рассчитали, приходится опиливать. Но опиливши, чурбачки идут в дело — выкладываем ими подходы к источнику.

Дерево осина чем хороша? Не гниёт. И вообще дерево замечательное, она же не виновата, что на ней Иуда повесился. И когда осина трепещет листочками, даже в ясную погоду, без малейшего ветерка, почему говорят, что она трясётся от ужаса, — она жизни радуется. Осина неженка: осенью первая желтеет, краснеет, оранжевеет и так оживляет лес, опушки, что даже не страшно думать о близкой зиме.

Дно купели выстилаем ровными, тонкими осинками. Прижимаем их сверху срубом. Другая часть бригады прочищает дорогу к роднику. И в прошлых годах вначале прорубали, потом расширяли тропу, но людей идёт всё больше, нужна уже не тропа, дорога, улица в лесу. Ваня полюбил топор: очищает стволы осинок от сучьев.

— Дружище, — говорит отец Лёша, — ты осторожней.

— Давайте все усыновим Ваню, все будем наставниками, — предлагает бородатый Саша.

Ваня уже освоился и смеётся громче всех:

— Дядя Толя, вы правда сегодня не храпели?

— Нет, дружище, как глаголил бы твой папаша, это не я храпел, это просто ты крепко спал, — отвечает Толя.

— А кто меня ночью потащил? — спрашивает Ваня.

Тут мы все начинаем смеяться. Ночью именно я, проснувшись, захотел что-то под голову подложить. Пощупал: у стены телогрейка. Потянул её к себе, а телогрейка как закричит! Это Лёша укутал сына в телогрейку, уложил его за общим изголовьем.

— Ваня, — советует Толя, — будешь писать сочинение: “Как я провёл лето”, обязательно в конце припиши: “Марья Ивановна, всё было хорошо, вот только работать подушкой больше не хочу”.

Ой, до чего же здесь хорошо!

Да, как радостно, что мы здесь, тут мы молодеем, освежаемся телом и духом. И, как говорили древние, возгреваем православные чувства.

Готовлю обед, но решаю, чтоб сэкономить своё время для работ на источнике, заодно приготовить ужин. Кастрюль хватает, нанесли их за эти годы. Разошёлся, начистил ведро картошки. И спохватился: кончилась картошечка, много на себе не притащишь. А ведро за обед и ужин скушаем. Ещё бы, при такой-то работе на свежем воздухе какой у всех аппетит! Ничего, завтра перейдём на кашу. Я уж знаю, кто какую любит. Крупы много.

Раскопегарили с Ваней печурку, крышки кастрюлек дребезжат. В самой большой закипает вода. Завариваем, как велено, смородиновым листом. И, конечно, ещё и пачку листового.

— Ваня, ты и костровым был, и посудомойщиком, а теперь, ноги в руки — будешь посыльным. Алпор три креста за работниками!

— То есть быстро бежать?

— Нет, надо ещё быстро стоять и долго спрашивать.

Ваня помчался. А я тарелки, кружки, ложки на артельном столе приготовил. Хлеб нарезал. Идут мои братики. Саша сияет:

— Всё цветёт, всё благоухает! А птицы! Рай! Рай! Ванечка, запомни!

— Продолжаю диктовать сочинение “Как я провёл лето”, в нём напишешь: “Я был в раю, там меня жрали комары и клещи, а в речке плавали лещи”, — советует Толя.

— Стоп! — восклицает бригадир. — Раздеваемся! Немедленно! Надо это было сделать перед сном.

Бригадир совершенно прав, ибо клещи похожи на радиацию: их не видно, не слышно, но они есть. И вот — у Саши на шее, под бородой клещ. Хорошо — рано хватились. Смазываем укус растительным маслом. Бригадир ниточкой обвязывает клеща и начинает потихоньку как бы выкручивать его из тела против часовой стрелки. Не дай Бог, оборвётся. Но всё, слава Богу, обошлось.

— Надо в баночку и на экспертизу, — говорит Саша без бороды.

— Много клещу чести. Экспертиза! Клещ и слова такого не знает, — говорит Толя. — Он уже не жилец, развяжите и отпустите.

Я стучу ложкой по кастрюле и возглашаю: “Отче наш...”.

После обеда, перед новыми трудами читаем Акафист святителю Николаю. Поём всё лучше. Умилительны наши молитвы. Саша всегда плачет и оправдывается: “У меня слёзы сами текут и текут”. Он старается всегда выбрать время, чтобы прибраться в храме, выносить мусор, подмести пол. Пол, которого пока нет, — утоптанная земля. А что было-то! Всё было завалено мусором, горами удобрений. Голыми руками выгребали. А запах какой шёл от удобрений! Молодым женщинам становилось плохо — аммиак. Но вятские старухи и тут не сдавались. Помню, меня поразило то, что я собирал кучи битого стекла, ссыпал в старое ведро, и тоже голыми руками, и ни одной даже царапинки.

Молимся всем миром, а будет так, что и места в храме не будет. Говорим о том, что Крестный ход двинулся из Вятки. Знаем даже по часам, где они теперь.

— К Бобино подходят.

— Нет, ещё часа через два. У нас, в Горохово будут послезавтра, часам к девяти утра. Выйдут из Монастырщины в три часа ночи.

Ставим Крест между источником и купелью. Делали его из молодой соsenки. Снимали нежную подкорку, вспоминая это лакомство детства. И сейчас тоже в самый раз. Всё в нас оживает. Особенно от воды источника. Её хочется пить всё время.

Чуть больше суток здесь, а кажется, живём тут давно.

Работаем, и комаров замечать некогда. А их тучи.

— Ещё, Ваня, — советует Толя, — напиши в сочинении: “На Крестном ходу меня удивляло то, что комары совсем не кусали старух, а кусали меня и девочек. Дядя Толя объяснил: старухи железные, а девочки живые, а это разная степень вкусности”. И сообщи граду и миру, что одна девочка тащила с собой целый пакет всяких антикомаринов, дезодорантов, и её всё равно жрали круглосуточно. Запомнишь?

— Запоминай, дружище, — советует Ване Лёша.

Бригадир, как всегда авторитетно, просвещает:

— Комаров создал Бог для питания птиц и для обновления крови. Убавляется крови, начинают работать кроветворные органы.

— Комарихи любят пьяных мужичков, — в тон ему продолжает Толя. — Я же сам таков. Алкоголь входит в кровь, которую комары пьют. Балдеют, сами становятся алкоголиками, начинают на всех нападать, кусают даже машины и трактора. Ваня, запиши.

Опять мы промерились с длиной жердей для настила. Переделываем.

— Ничего, — утешает бригадир, — трудов напрасных нет.

— Есть бесполезная работа, сказал поэт, трудясь до пота. — Это Лёша.

— Может, когда сюда и Патриарх приедет, — мечтает Саша.

— Вначале архиерей, — решает Анатолий. — А я, братья, видел архиерея. Лично. Вozил документы от храма на подпись. Батюшка говорит: меня могут не пустить, ты пройдёшь. Прошёл. Попросил благословения, подал прошение. И не забыть подпись его: одна треть страницы — это прошение, а две трети его подпись. А вот вы, умники, скажите, почему — меня спросили в приходе — у Патриарха охрана, он ведь человек Божий, его Бог охраняет? Почему?

— Да если б не было охраны, я бы первый стал его охранять, — заявляет Саша. — Столько сейчас психов, ненормальных, сектантов.

— Это не ответ. Его же Бог бережёт.

— Так вот, Бог и поставил охрану.

— Да, — восклицает Анатолий, — так мне и надо было ответить.

Ваня неожиданно спрашивает:

— А почему кружки после чая не надо мыть?

— Как так?

— Да, не надо, это я распорядился, — говорит вождь. — В немойтой кружке вкус нарастает. И вообще, в закопчённой сверху и чёрной внутри кружке есть что-то партизанское, фронтовое.

Приходится соглашаться.

— Не мыть — так не мыть, — говорит повар. — И в самом деле,

есть же великая вятская пословица: “С грязного не треснешь, с чистого не воскреснешь”.

— Это от Писания, — сообщает бригадир. — Фарисеи чаши очищают, а сами полны нечистот.

Скоро снова в дорогу

Когда заканчивается Крестный ход, то уже думаешь о следующем. Прикидываешь, чего надо взять, а что нынче не пригодилось, зря носил, то не надо. Становишься потихоньку опытным, незаметно меняешься. Но не меняешь тяга к собратьям, к нашей бригаде.

Год на год не походит, так же и Крестный ход. Каждый раз разный.

— А помните, составляли инструкцию для крестоходцев, но не записали, жаль, — говорит Саша. — Меня спрашивают, что взять, во что одеться.

— Тут главное — во что обуться. Пластыря взять против мозолей. И зелёнки, она сушит. Носки запасные, шерстяные. И чтоб синтетики ноль целых ноль десятых. Свитер. Голову чем прикрыть, — перечисляет бригадир. — Из еды, что полегче, меньше всяких банок. Изюм, он лёгкий и питательный. Горький шоколад. Сухари! Обязательно ржаные. Мелкие. Идешь, сухарик во рту как конфетка.

— Какие там инструкции — раз пройти и всему сам научишься, — заявляет Толя. — Главное — взять благословение. Взял и иди, иди, иди.

Нас всегда веселит воспоминание, как на одном из наших первых ходов пошла женщина в годах, а её батюшка не благословлял. И она сильно занемогла. Упала. Что делать? Тогда никаких врачей с нами не шло. Бросать нельзя. Надо тащить. Сделали носилки. А чтоб её нести, нужно восемь мужчин. Несут по четверо, меняются. И вот её уложили на носилки, пошагали. Она кричала на весь лес: “Ой, простите меня, дуру старую! Ой, бросьте меня! Ой, закопайте!”

— Кайся, кайся, — говорил батюшка. — Не ухаживали за тобой враз восемь кавалеров, вот на старости лет порадуйся. Им-то во спасение, тебе за непослушание во грех.

И когда мы вспоминаем этот случай, то вспоминаем и то, что на Великой она исповедалась, причастилась, и обратно шла со всеми своими ногами. Но уже взяв благословение.

В распутицу

Под холодным дождём пришлось идти и в этот раз. Думали, машина доведёт. И опять же, забуксовала. Вытаскивали. Ещё попытались ехать, вообще сели. Снова вытаскивали. Все в глине. Дождь хлещет. Вещи разобрали, надо идти.

— Господь труды любит, — говорит вождь. — А вы комфорта хотели. Как Маргаритушка говорила: грешить-то погоду не выбирали!

Никто иначе и не думает. Не идём, а ползём. Не до разговоров. Усталость полезна. Молитва усиливается. Отдых под деревом. Знаем, в вещах не только продовольствие, топоры, лопаты, пила и гвозди, но и лекарство от простуды. Вождь, выдержав мхатовскую паузу, отмеряет по полпорции. Читаем “Отче наш”. Малостью подношения не оскорбляемся. Это только начать.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — сообщает вождь. — Это научно доказано, потому что процесс гидролиза начинается в организме в первые минуты принятия дозы, и надо ему помогать.

— А чтоб между второй и третьей пуля не пролетела, — это, конечно, поэт.

Как в дом родной пришли

В Горохово, как всегда, доползли измученные. Сразу видно, что после и этой зимы снова всё заилилось, ступени к источникам размыты, подходы к купели заросли. И это за один год. А когда пятнадцать лет назад, после

пятидесятилетнего запустения, тут прорубались, пропиливались, каково было? Нет, нынче всё фруктово. Хотя пришли, конечно, уставшие. Может, ради первого дня посидим у костра? Да где там с нашим вождём!..

Костёр, конечно, запылал — моя работа, они пошли начинать что-то делать к источнику. Праздничный обед — салат, картофель с тушёной гречка, чай-чаёк-чаище с мёдом — обеспечу за два часа. Тушёнку надо съесть сегодня, так как завтра начинаем поститься перед причастием.

Завтра вдобавок будет парадная гороховица в Горохово. Лёня каждый год приносит мешочек отборного крупного гороха. Замачиваю в котелке.

Всё! Кастрюли, большая и маленькая, в горячей золе, огромный чайник закипел и чай заварен, тарелки, ложки, вилки разложены, кружки расставлены. Где народ? Иду за народом. А народ разработался. Включаюсь и я. Но мне же хочется, чтобы братья горяченького поели. “Отец Анатолий, благослови на сегодня шабашить”.

Разгибается: “Запиши: тот зря прожил жизнь, кто не был на Великокрестном ходе”.

Идём к костру. Радуга над храмом, он под ней — как картина на выставке в полукруглой раме. И вдруг — глаголы небесные! — долгий тихий гром.

Да, все мы, все будем с тоской и радостью вспоминать праздник Великокрестного Крестного хода. Да, праздник. Он, как и Пасхальная Светлая Седмица, недельный.

— Братья! Мы знаем, что такое рай: мы каждый год неделю живём в раю.

Передай по цепи кирпич

Каждый год много надо делать. Особенно нынче: перетаскать штабеля старых кирпичей. Мы же в прошлые годы их выкапывали из фундаментов бывших зданий, село же было. Сложили, погордились, а вот, оказывается, штабеля не на том месте. Записка от реставратора Андрея: “Перетаскать ближе к колокольне”. Кирпичи старинные, большие, сырые. Друг друга осаживаем: “Не бери враз больше четырёх”. Идёшь — руки оттягивает. Тогда умная чья-то голова: “Давайте в цепочку встанем”. Встали. Передаём из рук в руки. Дело пошло! Да ещё молитвы запели. И ожили. И когда меня стали гнать, чтоб я шёл еду готовить, мне из цепочки уходить не хотелось.

О рюкзаках

Самый устрашающий по размерам и по весу рюкзак — у Володи. Рюкзак он называет “смерть туриста” и “счастье паломника”. Спросите, чего у него нет, если даже есть походная складная плита, пассатижи (?), набор приправ, всякие тяжеленные банки консервов. Мы свои банки стараемся поскорее выложить на общий стол при каждом привале, а Володя не успевает освободиться от тяжестей, ему же надо распрячься от своей поклажи, расстегнуть всякие пряжки на всяких ремнях. Так что тащит бедняга свой груз дальше. Прямо как добровольные вериги. Жалея его, забираем у него по паре банок. На следующем привале я стараюсь их поскорее высунуть на общий стол. И свои прибавляю. Вроде того, что я очень такой добрый и хороший. Но на самом деле это эгоизм: без груза легче идти.

Конечно, было эффектно, когда Володя в первый раз на привале в пять минут на своей плите согрел чай в литровой кружке. Кружка из тонкой стали с припаянной ручкой, которая совсем не греется. Это же такая роскошь — сидеть на поляне среди леса и подставить под струйку кипятка свою кружку, и сыпануть в неё щепотку опять же Володиного целебного чая.

Ой, чего только не было

У костра часто вспоминаем начальные наши хождения на Великую и труды в Горохово.

— А Крест поднимали, помните?

— О-о-о! — произносят все. И все крестятся.

Да, это незабываемо. Крест устанавливал Борис. Он и верхолаз, и альпинист, и опять же — как без этого! — поэт. В епархии он знаменит тем, что ремонтирует, красит купола, стены. Полжизни между небом и землёй.

С утра он всё готовил к подъёму креста. Поднялся на купол, установил блок, перекинул через него тонкую прочную верёвку, сбросил её концы к нам. Мы привязали к одному концу крест и взялись за другой. Погода была спокойная. Но что такое сатанинская злоба к орудью нашего спасения: как только Борис сверху дал команду, и мы стали поднимать крест, рванул ветер. Крест мотало в воздухе.

— Молимся, братья, молимся!

Запели: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”. И много-много раз пели. Крест достиг вершины. Его принял Борис. Теперь уже вся надежда была на Бориса. Надо было укрепить крест в приготовленной для него гнездовине. Ветер превратился в штормовой. Мы кричали:

— Может, в другой раз?

— Молитесь! — кричал Борис.

И снова, и снова: “Кресту Твоему поклоняемся, Владыко”, — и Борю снизу вверх крестили. Вот-вот уже вроде вставил крест, а ударом ветра его сшибает. И опять молимся, и опять Борис старается укрепить крест.

— А не помните, за сколько установили?

Кто говорит — час, кто — полтора, кто — два. Не помним. А сколько раз молитву спели? Сто, двести, триста? Тоже не помним. Но вот он, крест, плывёт в облаках. А когда долго глядишь, то и сам начинаешь плыть, как на плоту.

Приснилась Маруся

Приснилась Маруся Распутина. Весёлая, красивая: “Говорю папе: “Я стихи сочинила, вот какие, — и читает: — Мы вышли из леса на поле пшеницы...”

Вспомнил, так как идём Крестным ходом и как раз вышли из леса на бывшее поле, но только не пшеницы, не ржи, не гречихи, не овса — сурепки. Оно вроде и красиво, так ведь и татарник красив.

Да ведь ещё же и сам Распутин приснился. Сидит вполоборота. Его кто-то спрашивает: “Валентин Григорьевич, а вы причащались?” Он не отвечает, но понятно, что причащался.

А ещё при его жизни был сон, который ему рассказал: будто мы встречаемся с царём Николаем, будущим страстотерпцем, и с наследником престола отроком Алексеем. Валентин идёт впереди с царём, я — с царевичем. Рассказал, спросил: “И о чём ты с императором говорил? — Пусть он тебе ещё приснится и сам расскажет”.

Женщина идёт рядом: “В городе живёшь, в городе воздух в горле стоит, а здесь так вольно, так грудь наполнена. Но так тяжело: идёшь — идёшь, так грустно, так пусто, нет деревень, а раньше-то как! Столы выносили, ведёрные самовары, квасу наварят, плюшки-ватрушки. И их отсюда выжимали, налогами душили, сажали, на целину угоняли со своей целины”.

Поле кончается, снова входим в лес.

Изгнание беса

— Вылечил я своего соседа от беса, — говорит на привале во время Крестного хода Анатолий. — Как? Он мне всё время: бесы, бесы, всё они ему карзились, казались. Видимо, пьянка догоняла, пил раньше крепко. А когда отстал от пьянки, то бесам-то, конечно, в досаду. Опять тянут. Везде у него бесы. И жена уже не смогла с ним жить, ушла к матери. Звал его в церковь — ни за что не идёт, не затащишь. Одежда я тогда, прости, Господи, самочиние, в беса. Вечером, попоздней вывернул шубу, лицо сажей вымазал и к нему. В коридоре грозно зарычал, потопал сапогами, дверь рванул, вламываюсь. Боже мой! Он в окно выпрыгнул. Я скорей домой, умылся. Рубашка, курточка. К нему. Он во дворе, еле жив, в дом идти боится.

И мне, главное, ничего не рассказывает. В дом зашли вместе. Я у него в первую ночь ночевал. А потом в церкви батюшке повинулся. “Ну, Анатолий, — батюшка говорит, — ну, Анатолий! А если б он умер от страха?” — Говорю: “От страха бес из него выскочил” — “Мог вместе с ним выскочить”. А я каюсь и скорей голову под епитрахиль сую. И что? И не являлись ему больше никакие бесы. Я к жене его сходил, уговорил вернуться.

Разговоры разговариваем

Когда на Крестном ходе идёшь, то надо одно — молиться. Зачем же и шёл, если не молиться? Молишься и идти легче. А увлёкся каким разговором или пристал кто, уже ноги тяжелеют, плечи от лямок рюкзака немеют. Опомнишься: “Прости, Господи”, — и опять за молитву. И, глядишь, вскоре пошagal, и дышится легко, и люди все какие хорошие, и природа вокруг какая свежая, и комары вроде не жрут.

Но на привале почему не поговорить? Тем более обязательно разговоры — как обмен опытом.

— Меня, — рассказывает Саша, — поставили прямить гвозди. Их много надёргали из старых досок, когда разбирали пристрой к церкви. Гвозди большие, прямятся плохо. Я день промучался, а на завтра пошёл в хозяйственный магазин, купил на свои деньги новых гвоздей, принёс настоятельно. Думал, похвалит. А настоятель вздохнул и говорит: “Саша, конечно, и эти гвозди понадобятся. Спасибо. Но дорожке мне старые гвозди, которые ещё послужат. Ты не гвозди прямил, ты себя выпрямлял”.

— А хоть и ругают батюшки за праздные разговоры, да только и сам много не поболтаешь, всё равно пешие труды прошибают. Не зря же говорят про Крестные ходы: молитва ногами. Солдаты на марше. Идёшь когда каждый день часов по шестнадцать, то усталость очень полезна.

— А вот, братья, я ходил на Царский Крестный ход в Екатеринбурге, так то совсем иначе, чем на Великорецком. У нас неделя, там один день. Как и Курский Коренной. А на Урале — никогда не забыть! — пошёл первый раз, говорят, что идти около двадцати километров. Ну, я опытный крестоходец, так считаю, думаю: значит, это три привала, дойдём часов за пять. С вечера служба, потом Литургия, причастились, чаш, наверное, десять выносили — море же людей. Пошли. Идём. Владыка Викентий впереди. Идём, идём. А там же не как в Вятке, там вся дорога — это асфальт. А я ещё именно в тот год шёл, когда огромная эстакада над железной дорогой, железобетонная, зашаталась. В резонанс вошла. Это да. Под ногами ходят тысячи тонн бетона. Страшно. Если б не Крестный ход, что бы тут было? Крики, визги, истерики, паника. А тут молитвы зазвучали, и всё громче и громче. Все были уверены, что Господь и Царственные страстотерпцы беды не попустят. И успокоилась эстакада. А она метров пятьсот. Да, но что надо сказать. По сравнению с нашими там женщины идут нарядные, они же свои сарафаны в болоте, в луже не запачкают, в лесу не изорвут. Модницы там прямо исключительные. Но наши лучше. Да, так я же о чём. Идём и идём. Ну, думаю, наверное, только две остановки. Опять идём и идём. Иисусову молитву поочередно поём. Вначале братья, потом сёстры. И опять братья, и опять сёстры. Идти легко. Архиерей впереди. Думаю: ну, уральцы! Значит, только один привал. И вот, когда уже вышли к железной дороге, увидел указатель “К Ганиной яме, к монастырю Царственных страстотерпцев”, понял, что вообще не будет отдыха. Вот Владыка!

— Так многие с того хода и на наш приезжают.

— Да. Стальными становятся. Это гвардия православная куётся в таких походах.

“Мне голос был”

Как-то мелькнул в Горохово, но запомнился такой Виктор. Капитально бородатый, идёт один. Вождь сурово допрашивает:

— Ты взял благословение идти одному?

— Мне так Бог сказал: иди один.
 — А еда есть у тебя?
 — Я Святым Духом питаюсь. Главное у меня — борьба с плотью, с самим собой. Есть надо то, что не разжигает плоть.
 — А семья у тебя есть?
 — Семья мне мешала спасаться.
 — И ты решил её загубить?
 — Как?
 — Кормить же детей надо.
 — Большие уже.
 — То есть, как у цыгана: маленькие были — грудь сосали, подросли — воровать научились? Садись давай с нами, окрошкой плоть не разожжёшь.
 Виктор садится к столу, перекрестясь перед тем на храм. Сел на пенёк.
 — Я из смирения на скамью не сяду.
 Поел окрошки.
 — Вот тебе ещё каша овсянка. Тоже не разжигает.
 Поели, попили, прочитали молитвы. После вечернего правила вождь называет Виктору:
 — С утра вымоешь хотя бы один котёл. Вон крайний.
 Размеры котла, видимо, ужаснули Виктора.
 — Я на северях на океанских судах ходил. Там движки в пятьдесят тысяч лошадок. В цилиндр, как в этот котёл, можно было залезть.
 — Вот и залезай.
 Но утром, ещё до нашего пробуждения, Виктор ушёл. Спасаться пошёл, бороться с плотью или не захотел котёл мыть, не знаем.

Мальчик Володя

В конце первого дня Крестного хода подошёл ко мне мальчик, сказал, что он Володя, и попросился идти вместе со мной. Он остался один. Они шли с товарищем, а родители товарища догнали их и увезли сына обратно. А Володя с ними не поехал. “Я дальше пойду, я хочу весь ход пройти”.

Да, нагрузочка, думал я, намучаюсь. А оказался Володя таким славным, был он не только не в тягость, а в радость. Всегда молчал, шёл рядом, на остановках приносил или травы кисленки, или травы, корни которой мы называли репой и ели. Также ели мы с ним сосновую и еловую кашку, молодые побеги — будущие шишечки.

Никогда Володя не заговаривал первым. Только всего и было, когда открылся с горы далёкий зелёный горизонт: “Лес-то какой большой. — Потом, подумав: — На запад идём. Ой, нет! На юг: солнце недавно взошло”. И ещё: “Чайкам-то, видно, негде на реке жить, обмелела, сюда прилетели. Будут, как вороны”.

Володя всегда шёл рядышком. Прямо как любимый внучек шёл. Никогда ничего не просил, не жаловался, всегда старался в чём-то услужить. Ноги натёр в резиновых сапогах — даже не сказал. “А тебя не будут искать? — Нет, я с бабушкой живу, она отпустила. Она раньше и сама на Великую ходила. Говорит: принеси мне травы батюшки Серафима. — Сныти? — Да. Сейчас не буду собирать, завянет. Уж ближе к концу”.

Именно к Володе привязался большой рыжий пёс. Бежал с нами от Великорецкого. Его любили, и он не голодал. Но всегда возвращался к Володе. Володя ему очень радовался, дал имя Пират и считал своим. “Бабушка ругать не будет, он хороший”.

Но покинул нас Пират. Видно, не хотелось ему возвращаться, но что делать — служба. Подпрыгнул перед Володей, положил лапы на плечи и помчался обратно. Ночевали в Мурьино. Постелили нам на полу. Я лёг с краю, быстро уснул. Сильно я беспокойно, одеяло всегда сползает, и я слышал, как Володя всё время поправляет его.

А назавтра Володечка ушёл. Уже начались окраины Вятки. Он увидел автобус: “Ой, мой номер. — И жалобно добавил: — Я ведь поехал, дядя Вова”. — И убежал.

Очень мне стало без него грустно. Ничего не знаю о нём, неловко было расспрашивать. С бабушкой живёт, траву-снеть батюшки Серафима ей понёс. Рада будет.

Резиновый сапог

Резиновый сапог на что годится? Недалеко от переправы через Грядовицу есть родник. Старухам к нему не подобраться. Молодой парень говорит: “Сейчас Медянский бор, большой будет переход, пить захочется, пойду, воды наберу. Кому принести?” Старухи обрадовались, тянут ему бутылочки. По литру, по полтора. Он покрутил головой: “Ладно, чего-нибудь придумаем”. Ушёл с другом. Минут через двадцать возвращаются, тащат в руках каждый по резиновому сапогу. Видно, что тащат с усилием, ещё бы, в каждом сапоге литров по десять родниковой воды. “С песком промыли, ополоснули пять раз. Подходи, получай фронтные сто грамм”.

Разливают воду в бутылочки. К каждому очередь.

Снова привал, снова разговоры

Женщина показывает фотографии:

— Вот с какими бесами работаю, специально взяла показать.

— Дальше не неси, закопай. Или сожги, или утопи. Конечно, и за них молись.

Другая:

— А у меня! Соседка читает мне про секту, специально приходит. От церкви отговаривает. Мол, у них лучше. Лечат болезни. Делают испускание ключей на восток. Я прямо плюнула: всегда на запад надо делать испускание.

Старик:

— На фронте, на марше, сколь пить захотел, увидел огромную лужу, выскочил из строя, упал к краю лужи и внападку стал пить. Вдруг на меня гуси. Испугался сколь. А как пить не захочешь, когда на голове — рама пулемёта, на плечах — колёса. Да я ещё катки потерял, пришлось вернуться. Нашёл. Присел, лучше б не сидеть, а то сразу кинуло в сон. Очнулся от пальбы. Догонять! Догнал. Там не поймёшь, что было, кто стрелял. Темно уже. Окопались, пристреливаемся. Они кричат: “Не стреляйте, сдаёмся!” — Выходят, сдаются. Я так курить хотел — уши пухнут. — “Раухен”, — немцу говорю. Он угощает. И сам курит. Я и автомат забыл — курю... Да-а. Меня два раза в звании повышали, два раза разжаловали. Раз опять послали с термосом за ужином. Навьючился на кухне, возвращаюсь — заблудился. Пришёл... к немцам. Слышу: гыр-гыр-гыр. Под самый нос пришёл. Потихоньку, потихоньку — в сторону. Тут наши как хватили по этому месту, ударили. Думаю — всё! Сел на землю, достал ложку из сапога, хоть перед смертью поем. Каша не больно горяча, съел с котелок. Поел и обстрел перестал. Пришёл.

— Так это мы по тебе стреляли? Да как ты жив? — Мне бы признаться, что кашу ел, а стыдно, вроде как украдкой поел. Говорю: “В воронке пролежал”. Тут возчик капусту гнилую везёт, вся расплзается, а пленные у него хватают с воза и в штаны прячут, штаны мокрые. Их кормили. Один дорвался, ведро киселя выпил, живот схватило. После ранений я фронты менял: Третий Белорусский, Первый Прибалтийский, Второй Прибалтийский. В хуторах подземелья, из домов подземные ходы. Когда успели нарыть? Значит, знали, что придёт Красная армия.

С нами идёт бледная, красивая Катя. Не ест ничего совершенно. И ни с кем ни слова. Зоя ей говорит:

— У тебя сапожки рваные, а у меня запасные есть, возьми, пожалуйста.

Катя надменно:

— Вы всё сказали? Я могу уйти? — И ушла.

— Да она блаженная!

— Не блаженная — блажная. Если даже батюшку не слушает. Она же “святая”, где нам до неё!

— Ой, не осуждай!

— Прости, не буду.

— Летом с ребяташками одни тревоги. Иду на работу, знаю, что всё равно на речку убегут. Прошу: вернитесь хоть пораньше, чтоб я видела, что вы не утонули. На работе всё сердце изорвётся.

— А вот, вроде как шутят, когда наказывают: утонешь — домой не приходи. А ведь утопленники чаще всех других покойников приходят. И у Пушкина то же, у Гоголя.

— Старик плёл лапти. Да какие! Воду не пропускали. Двадцать шесть пар наплёл, конфисковали, увезли в передовой колхоз “Красный Октябрь”. А старик какой был знаменитый: и гончар, и печник. Горшки у него были, сейчас они вообще на вес золота. А печи клал! Уже изба вся разрушилась, сгнила, а его печь стоит под всеми дождями-снегами — подходи, затапливай! Когда лапти отобрали, он сказал: “Всё, больше на дядю не работаю”. И слёг. И не встал.

— А я ещё ходила, когда нас гоняли. Уже у Великорецкого спалили и в машину покидали, в кузов. У меня сумочку из рук вырвали. Там туфлешки да кофточка. И ведь отобрали. Завезли в лес: “Вылезайте”. Мы вылезли, уже темно. “А куда идти, где дорога? — Пусть вам Бог дорогу укажет”. — И уехали. А так и вышло: мы несколько не заблудились, а у них машина заглохла. Их комары всю ночь шпиговали, они ж городские, непривычные.

Нам же и жаловались. Говорят: нас заставляли. А сами? Да. Вот я заметила по жизни: кто строил дома на месте кладбищ, в тюрьмы пошли, а кто безвинных сажал, те спивались и с ума сходили. На хлыновском кладбище постройки. Священник из собора Александра Невского сколь был против строительства. Посадили. Татьяну, дочь его, я старухой помню, рассказывала мне, что её носили на руках на свидание. Он ей все пальчики перещеловал. Больше не видела.

— Ой, для смеху расскажу. Одного запугали, что в Медянском бору медведи, да они и были раньше, он поверил, взял с собой, ведь всю дорогу с собой тащил, какой-то шокер, им, говорит, демонстрации разгоняют. И ещё газовый пистолет. Тяжело же. А не выбросишь.

— Какие там пистолеты, одну молитву надо с собой брать.

— А вот расскажу: у мамы был сарафан из ненашего шёлка, подарил ухаждёр. А её-то мать, моя бабушка, спряла сама и выткала льняное полотно и из него сарафан сшила. И по нему вышила розы, голубые и алые. Все ахнули, вот какой сарафан. “Носи, дочка”. Так мама больше разу не надела тот, иностранный.

— Ухажёру вернула?

— Не знаю, врать не хочу.

— Ты говоришь, милиция гоняла. Так она какая ни есть, а своя. А вот иностранные фотографии — эти страшней. Чем? Идём через лес, много валежника было, тогда ещё не расчищали. Еле прокарабкаемся. И вот эти бесы, прости, Господи, с фотоаппаратами заходят вперёд и подстерегают, когда женщина или там девушка будет через дерево перешагивать. Когда ногу поднимет, тут старается щёлкнуть. До какого сраму эта Европа дошла! Или вот идём через кочки. Какая старуха и упадёт. Другой бы мужчина подбежал поднять, а этим одно надо: кадр.

— Ну да — русские в болоте. Им только это и интересно. Или вот в Горохове погружались, они снимали, в кустах прятались. Хорошо, теперь сделали ограждения.

— Да и архиерей распорядился: без разрешения не фотографировать.

— Они русских, как туземцев, снимают. У них и Пасхи-то нет, что с них взять, несчастные. Надо читать за них акафист “Умягчение злых сердец”.

— Жадных.

— Новый акафист написать: “О просвещении глупых европейских умов”.

— Да и свой-то просветить не худо.

— Неверующему говорит батюшка: “У тебя пять детей, один слепой. Кого больше всего жалко? Слепого? Конечно! Так и тебя больше всего жалко. Скажи, как без Бога жить, как тыкаться в потёмках и умереть в обидах? Говоришь: пробовала молиться, и ничего в жизни лучше не становится? Да ты молись, чтоб хотя бы хуже не было!”

— Осипов, знаете? Алексей Ильич говорит, что жизнь земная не курорт, а больница. Я вот тоже думаю, что грехи надо не грехами называть, а болезнями. Только вот он зря вроде как успокаивает, что ада нет. Есть. Я за одно объядение попаду. Удержаться не могу, ем многовато. Вроде и постное, а всё же еда. Конечно, болезнь. Думаю, какие бы таблетки.

— Голод придёт, быстро вылечишься.

— Без храма не спастись. Тело моют в бане, душу моют в храме. И молиться всегда. Стол без молитвы — это стойло для скота. И работать без молитвы — это в работа превращаться.

За столом с батюшкой

В Медянах позвали за стол. С нами батюшка — отец Анатолий. Торопится поесть и встать. Зоя:

— Ты чего, батюшка, из-за стола рвёшься? Ты сиди, разъедайся, солидность наращивай. С нами поговори. Вот почему свечки такие дорогие?

Батюшка отвечает:

— Может, это восковые. Конечно, они дороже. Горят аккуратно, не слышно, тихо, запах медовый, а химические трещат, воздух травят. Свиной жир в них добавляют. Нет, я поросятину в церкви жечь не дам.

— А вот, батюшка, у нас отец благочинный, прости, Господи, всё всем разрешает: и самоубийцу отпевать разрешает, и давленных, и травленных, и топлёных.

— Этого я не знаю, не видел, не слышал и обсуждать это не буду и вам не советую. Нравится священник — молись за него, не нравится — тем более молись.

— Эдак, эдак, — поддерживают старухи.

— А вот, батюшка, говорят: для глаз очень полезно при вставании солнца на него смотреть.

— Пойдём завтра до солнышка и проверим. — Подходит к окну: — Луна ещё — видите? — в ореоле. Жарища будет, а если зимой так — к морозу. На природу мы обращаем внимание, и от этого к Богу приближаемся, мы же ею, Божиим творением, дивимся.

— Да, да, идём по природе, молимся, а от этого и в церквях легче молиться.

— А вот чего это, батюшка, нынче чересчур очень много говорят о деньгах. Нам-то что говорить, при наших-то капиталах.

— Чего вы бедности стесняетесь? — говорит отец Анатолий. — Всё вашими жертвами только и держитесь. Какой богатый для показухи отстегнёт и чванится. Так это разово. А прихожане — копеечки, пусть маленькие, но на каждой службе. Это надёжнее.

— А вот, батюшка, скажу: хорошо, что вы по улице в облачении ходите. А то встретила отца, имя не буду говорить, встретила, а как благословение просить, он в пиджаке, вроде чиновник.

— Не осуждать! — сурово говорит отец Анатолий. — Идёшь в рясе — больше искушений. Ко мне тут парень подскочил: “А у вас борода не бутафорская? Можно подёргать?” — “Дёргай!” — говорю. Всё-таки постеснялся.

Мужчина (до того молчавший):

— Менты гонят на “Вольво”, прут на красный. Гляжу — ни за кем не гонятся, а прут. Я их машину перекрестил, и машина у них заглохла.

Банный час

Спасибо Андрею: нынче уже и баня. Сан Саныч натопил. Радуемся, ибо намёрзлись, да и ночь впереди трудная: матрасы после холодной весны влажные. Негде было просушить. Хвалим Сан Саныча. Он:

— Я люблю, когда меня хвалят.

Плохо видит. Толя его подковыривает:

— А как же ты женщин различаешь?

Отшучивается:

— Я наощупь!..

— Это что такое, такие разговорчики! — кричит вождь.

Баня крохотная, но троих вмещает. Первая партия пошла. Толя садится на чурбак: “Я в кресле, даже под дождём, себя почувствовал вождём”.

Оба они, Толя и Саша, прыгали с парашотом, есть что вспомнить. Саша: — Не спал я всю ночь, перенервничал. Прыгнул. Вслед кричат: “Красная строка!” Я всё забыл. Учили говорить: “Пятьсот один — два — пятьсот три”. Дёргать кольцо. А страшно: вдруг не раскроется. А земля на меня несётся, дёрнул от страха — парашот раскрылся. До этого прыгали на пятки. Со стола. Стол на стол и ещё стул.

— Парашют сам собираешь, — рассказывает Толя. — Пишешь расписку: за мою безопасность никто не отвечает. Ничего себе, думаю, — неминучая приходит. Расписку написал, насторожился. И всё кажется, что парашют не так собрал. Нам говорят: бросят против ветра, это красиво. А прыжки уже идут, одного уже закрутило, хлопнуло. И уже кричат нас. Говорю другу: “Юр, мы же неправильно собрали”. Кричат ещё раз: “Гребнев, Сафронов!” Пошли. А Сафронов тяжелее меня на пятнадцать килограмм, первый должен прыгать, чтоб меня потом не погасил. Самолёт АН-2. Лётчица — баба, курит “Беломор”, глядит презрительно. Мгновенно заволочла в высоту. Юра сел у локка, спустил ноги, глядит жалобно. Баба папиросу сплёвывает, кричит: “Прыгай!” Он молчит. А самолёт крохотный, лок — рядом с лётчицей. Она Юрку ногой выпихивает. Рассердилась на него: надо же делать ещё круг, керосин тратить. Юра нырнул. Теперь я. Ноги свесил, их ветром так гибоет, кажется, что в колене сломит. Боюсь. Но ведь всё равно выпинает. Полетел, стропы дёргаю, ничего не запомнил, велили ноги вытягивать, я вроде вытянул, но сел не на две точки, а на одну, сидячую. Язык до крови прокусил. Подбегают: “Как?” Мычу, встать не могу, кровью плююся.

Пора и нашей смене в баню.

Баня ах как хороша! Вот это русское “оно”, оно из “Василия Тёркина” — не по зубам для переводчиков. То есть достигнуто искомое температурное состояние, когда тело в истоме, когда кожа стонет от счастья и просит веника. А веники у нас двухсоставные: пихта и берёза.

Одеваемся. Саша:

— Меня бабушка учила: “Ходи баско, говори бастенько, не оммыляйся”. Другой Саша:

— А у меня бабушка ни копейки за так не давала. Прошу пять копеек на кино. Она: вот возьми поленья в сених и принеси к печке. И пятак даёт уже как заработанный.

Как хорошо после бани в мокром лесу! У избушки разводим костёр. Вождь у нас Анатолий. Несмотря на Андрея, по-прежнему зовём вождём Анатолия.

— Дуйте, дуйте! — кричит вождь, падая на колени перед костром.

— Уроды, — кричит, пробегая, Андрей-диктатор. — До сих пор котлы не вымыты! Рахиты!

— Ад себе готовит, — говорит вождь. — Молитесь за него. Нельзя же, грех, называть человека уродом. Слабо знает Писание. Не знает, что ему грозит.

Рассуждения у котла

— Вот вам наглядная иллюстрация к теории Джона Локка о чувствах. Они обманчивы, — это повар философствует. — Лёне кажется — много соли, мне — вроде в самый раз, Лёше соли не хватает. А кто управляет чувствами? Разум? Это Кант. Да и разум может врать. А им кто управляет? Правильно, дети, воля, тут Ницше и Шопенгауэр. А рядом уже фашизм. Ибо появился племянник английской королевы Дарвин. Он спрыгнул с дерева, он развился от инфузории-туфельки, встал на ноги, избобрёл станок Гутен-

берга, и что? Надо же дальше, надо же от человека идти к сверхчеловеку. А это, дети, как мог бы сказать Заратустра, фашизм.

— И как это женщины всю жизнь у плиты, с ума сойти, я бы повесился, — рассуждает Саша. — А вообще вот что скажу. Все говорят: жёны декабристов, жёны декабристов. Да любая русская женщина, которая с алкоголиком живёт и не бросает, и вытягивает его, выше любой декабристки. Если б не русская женщина, полстраны бы умерло под забором.

— А как эта пословица: какие девушки хорошие, откуда же злые жёны берутся? — спрашивает Лёша.

Толя прекращает разговоры частушками:

— Ой, подружка дорогая, до чего ты хороша: ведь природные румяна и открытая душа. И — хором! Наша Вятка серебриста, на песочке камешки. Наши девушки гуляют, не ругайте, мамушки. — И вполголоса, от имени противоположного пола: — Хороши, хороши в нашей реченьке ерши. Парни любят понарошку, ну, и мы не от души.

— Вот ещё, пока не начали работать, случай расскажу, — говорит Саша. — Едут русский, чукча, грузин, хохол. Скучно ехать. Давай играть. А как? Карт нет. “Давай так, — говорит грузин и ставит бутылку коньяку: — Дама”. Хохол плёкает шмат сала: “Король!” Чукча хлопает балык: “Туз!”. Русский говорит: “Мне крыть нечем. Снимаю”. И всё сгрёб.

— Что это? — вопрошает Лёша. — Москальская шутка или великодержавный шовинизм?

— Какой там шовинизм, — возмущается повар. — Вспомни пословицу: не вспоивши, не вскормивши, врага не наживёшь. “Москаль зыл твоё сало”. Много ты его у них съел? Мне вообще больше белорусское нравится. А лучше всего вятское.

— А на Крестный ход много приезжает с Украины и из Беларуси, — говорит Саша. — Из Риги целый вагон.

Скоро придут. Пришли!

Много уже прибежало помощников из Крестного хода. Вряд ли их благословили обгонять Крестный ход. Покаются. Говорят, что нынче идти тяжело. Ещё бы — глина, грязь внизу, дождь сверху. Но это всегда так. Испытывает Господь. Не бывает Крестных ходов курортных. Дождь, град, снег бывал в эти годы. А уж дожди всегда. А то и жара-жарища. Холод, кстати, лучше, чем жара: комаров меньше. И вообще, Крестный ход — это трудности. А мы всё удобства всякие изобретаем. Помним, Маргаритушка назидала: “Санаторию захотели? Грешить-то погоду не выбирали!”

Пришли! Колокола! Море людей, море дождя. Море горящих свечей. Акафист в храме. Люди радостные, хотя и приморённые, шатаются даже от усталости, мокрые.

Горы записок на столах, которые мы утром поставили, протёрли. Толя знакомой женщине, Наташе: “Услышав колокола звуки и не во сне, а наяву, я вытер трудовые руки о восходящую траву”. Её, что совершенно понятно ценителям поэзии, восхищают слова “о восходящую траву”: тут и рост травы, и весна, и стремление ввысь, и чистота: трава мокрая, моет руки.

У источника — полчища людей. Нашей бригаде немного грустно — уходим отсюда. Выслушиваем слова благодарности за оборудованные купели, за ступени к источнику. Вождь вещает:

— Нам благодарность в погибель. Вся слава Богу. Мы много живой природы загубили, проход прорубали.

— Зато как стало хорошо-то проходить, — благодарят те, кто помнит прежние годы. Ведь с чего начинали!

Мы поминаем, нас помнят

Пригодились наши длинные столы для молебна, они завалены записками-памятками. Прочитанные батюшками паломники опять берут себе, чтобы и на следующем молебне положить для нового прочтения. Поминание

родных и близких — это одно из главных на Крестном ходу. О, сколько же имён! Если идёт пятьдесят тысяч, и хотя бы половина пишет памятки, то ведь пишет не по два-три имени, десятки родных поминает! Это сколько?

И нами расставленные тяжёлые железные корыта на ножках тоже всю работу. Они заполнены песком. Это подсвечники. Вдоль стен. Целая лента пылает. А свечи всё добавляются.

И мы уверены, и это много раз подтверждалось, что, когда мы кого поминаем в молитвах, то те, кого поминаем, вспоминают нас.

Задуманное коллективное погружение не состоится: много работы. Ещё приготовить место для стоянки знакомых паломников, натаскать дров для костра и, опять же, побольше воды. Бегу к источнику, придумав уважительную причину — набрать воды для последнего здесь в этом году чаепития. И торопливо ахаю в купель. Троекратно. Чувствительно. Освежающе. Укрепляюще. Ободряюще. Заряжающе. Воскрешающе!

А вот староверы уже прошли. Никак не хотят ходить с нами.

Разговор о них. Выстоят, если в Православие обратятся. А они считают, что мы должны вернуться в их веру. Но какая вера? Считают, что только они правы. Но так и любые сектанты считают. Поговори поди с баптистами, адвентистами, всяким свидетелями Иеговы — так только они и правы. Но староверы — наши! Наши братья.

Арсенька и другие. Снова привал

Вождь учит:

— Ловить рыбу надо на нитьё. Как? Червяка насадить на крючок, закинуть и начинать нить: “Вчера ты, рыба, не клевала, с утра не клевала, скоро обед, а ты всё не клюёшь”. И всё равно клонет.

Разговор на привале.

— У нас Арсенька так-то ловит на нитьё, — замечает паломница.

Да, уж этот Арсенька. Видно, и он послан нам для терпения. Он именно ноет: как ему тяжело жить, как на работе над ним издеваются, не платят, нечем за свет заплатить, еды нет, только картошку ест да кильку. Конечно, куда денешься от русской жалости, подают ему. Всё равно ноет. Когда кто-то не выдерживает, особенно мужчины, бывшие военные, и внушают ему, что недостойно мужчины побираться, Арсенька тут же обороняется: “Все вы тут Чапаевы да Будённые, один я рядовой. Не учите жить, помогите деньгами”.

— У матери деточки ушли за ягодами. День прошёл — нет и нет. И вечер уже. Побежала в церковь — закрыто. Тогда и на паперти, и у алтаря молилась. Пришли, рассказывают, что заблудились, а встретили старичка, дедушка такой седенький, он им дорогу показал. Святитель Николай, некому больше.

— Град-то в прошлом годе был, помните, конечно? Перед Великорецким. Как лупило, о-о! И целлофан на всех теплицах изорвало. А мы шли с соседкой Наташей. Идём мокрые, голову прикрываем. Ну, думаем, пропали наши теплицы. Вернулись. Так — поверите? — наши только теплицы и уцелели. А Дуся, тоже участок рядом, говорит:

— Да как же это, этакое чудо: будто кто заморозил ваши участки! У всех все грядки выбило, у вас уже у огурцов по два цветка. Пойду, говорит, с вами на будущий год. Дак чего-то не вижу, пошла или нет.

— Из Макарья женщина пошла, забыла дом закрыть. Спихватилась к концу дня. А, не буду возвращаться, как Бог даст. Вернулась, в доме парень небритый, кидается к ней в ноги: “Всё верну, что поел из холодильника, только выпусти. — Иди, кто тебя держит? — Старичок держит. Я иду к дверям, он встанет на пороге, я боюсь”. Всё батюшка наш!

— Самоубийцы прямой наводкой идут в ад. А солдаты убитые — в рай. Идут в рай без мытарств.

— А вот, женщины, как рассудить? Сменщик у меня был. В церковь ходил. Не часто, но ходил. Правда, пил. А как началась эта горбачёвщина, стало всё горбатиться, как стали народ спаивать, убивать этими спиртами, “роялями” всякими, мужиков ещё “роялистами” обзывали. И я ему говорю:

“Не бери в киоске, это гибель”. А он взял, налил сто, выпил и сидит с открытыми глазами. Я чего-то говорю, он молчит. “Ты что молчишь?” Взял за плечо, он и повалился. Готов. Так это самоубийство или его убили?

— Европа убила. Её и судить.

— А вот я бы американского президента спросила: “Зачем тебе везде надо свою власть? Деточка, ты же лопнешь”.

— Все обвалы, хоть у отдельного человека, хоть у народа, начинаются с гордыни. Заносишься? Значит, мордой в грязь всё равно сунешься.

— Говорят, трудно ли рыбачить? А что там трудного? Наливай да пей. И трудно ли в Крестный ход идти? А чего там трудного — бери с собой ложку и иди, и ешь. Кормят же везде. И в Великорецком, и в Медянах, и в Мурьгино, и в Гирсово.

— Шутка шуткой, а сколько идёт очень бедных людей, они рады хотя бы неделю поесть.

Победила комаров

“Марьяна — юбка портяна”. Так в шутку называли совсем юную студентку Марию. Красавица. Тряслась над своей красотой, боялась комаров до смешного. Тащила полсумки всяких препаратов от кровососущих насекомых. На привалах намазывалась. Но ведь жарница, от этих мазей тем более лицо потеет. Становилась некрасивой, страдала. На привале салфетками снимала остатки препаратов, заново оштукатуривалась. Клавдия всё подшучивала. “Ох, Марьяна — юбка портяна”. И вот — исцеление. Сама, сама! Мария вышвырнула всю косметику в кусты, и сообщила, что дарит её лисе-моднице. И пошагала! Да ещё так похорошела! И никакие комары не смели к такой красоте подступиться.

Вятские улыбаются

— А как же вятским не улыбаться! Обязаны москвичи, — поддерживают повар. — Спасские ворота Кремля названы по обретенной в Вятке иконе Всемилоостивого Спаса. До того они были Константино-Еленинскими. А в соборе Василия Блаженного есть церковь Святителя нашего, Николая Великорецкого. И вообще собор восемьдесят лет назывался Никольским.

— И вообще Москва стоит на земле вятичей. Однозначно! То есть, если кто её начинает наводнять без приглашения, то вятичи имеют право сказать ему: “Куда прёшь, холоп?”

— Ну-ну-ну! — осаживает вождь.

— А что ну-ну? Вот ты нукаешь, вот все мы такие скромняшки, а часовня деревянная в Слободском на сто лет старше знаменитых Кижей, и она же — самое древнее русское крепостное сооружение. Вот и “ну-ну”! “Гордиться славой предков не только нужно, но и должно”, товарищ вождь!

Бояться только Бога

— Бояться ничего не надо, даже Страшного Суда, — заявляет повар. — Как? Конечно, он Страшный, но можно обезопасить себя от страха, воздвигнуть вокруг себя “стены иерусалимские”. Страшный Суд — это же встреча с Господом. Мы же всю жизнь чаем встречи с Ним. Пусть страшатся те, кто вносил в мир мерзость грехов: насильники, педерасты, лесбиянки, развратники, обжоры, процентчики, лгуны массовой информации, убийцы стариков и детей, пьяницы, завистники, матершинники, воруны, лентяи, непочётники родителей, все, кто знал, что Бог есть, но не верил в Него и от этого жил, не боясь Страшного, неизбежного Суда. Вот они-то будут “издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою мною”. Это у апостола Матфея. Так что увидим Господа, для встречи с которым единственно живём.

— Может, куращих пожалеет, — мечтает Толя.

Погружение

Женщин тут нет в округе самое малое двенадцати километров, так что самый подходящий костюм для омовения — костюм Адамов. Даже забыли, что тащили жребий очерёдности погружения. Прочли “Символ веры”, “Отче наш”, “Богородице, Дево”, тропарь святителю Николаю и — с Богом! Троекратно, паки и паки заново крестясь, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Совсем не зябко, а радостно ощутить светлую холодную воду.

Прощай, милый источник, прощай, животворящая купель, прощай, по крайней мере, на год. А уж потом — как Бог даст.

Тихонько идём обратно. Конечно, все наши разговоры о единственной нашей, любимой России. Опять повар:

— Когда на литургии слышу Блаженства, особенно вот это: “Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как безчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах”, — то я всегда не только себя к этим словам примеряю, а вообще Россию. Смотрите, сколько злобы, напраслины льётся на нашу Родину. Великая награда ждёт нас. Есть и ещё одно изречение: “Не оклеветанные не спасутся”, — а уж кого более оклеветали, чем Россию? Так что спасёмся.

— Да, братья, быть русским — сейчас самое трудное. Но ничего. У всех менталитет, у русских душа.

— А ещё мне нравится о русских: русские умные, а их считают за дураков, а остальные дураки, а притворяются умными.

— Один такой умный, когда мы уходили, говорит: “Зачем же пешком почти двести километров? Ведь можно же на машине”. Говорю ему: “На машине едешь — грехи с собой везёшь, а идёшь пешком, они от тебя отцепляются”.

Они идут, а я тут, в Москве

Нынче не пошёл на Великоорецкий Крестный ход. “Отходили мои ноженьки, отпел мой голосок, а теперь тёмной ноченькой не сплю на волосок”. Да, в общем-то и прошёл бы. Но больны мои родные, а дети в отъезде. Но ещё причина — в людях, в тех, что идут впервые или недавно. Им надо со мной поговорить. Отошёл один, подошёл другой, стережёт третий. Когда молиться? И уклониться нехорошо. “А помните, мы с вами..?” Но неужели я вспомню сотни и сотни встреч?! Хорошо бы, но голова не держит уже. Неужели это такая искомая многими известность? Я знаю сто человек, а меня знает тысяча. Вот и всё измерение известности. А как в детстве, отрочестве, юности мечтал, о! “Желаю славы я, чтоб именем моим...” Но это всё *жалобы турка*. Лекарство — молитва и уединение.

Не пошёл, но всю неделю “шёл” с ними. Знаю же каждый поворот, все дороги, изучил за двадцать лет. Особенно Горохово и Великоорецкое. Без конца то им звонил, то они мне, братья во Христе, наша славная бригада: Саша Чирков, Саша Блинов, Лёня Ермолин — это костяк, гвардия, а уже как много было за эти годы новых крестоходцев в нашей бригаде! Николай Пересторонин, Александр Громов, Алексей Смоленцев, Борис Борисов, Роман — фамилию не знаю. А и что знать, мы же по именам поминаем друг друга... А вот вождь наш Анатолий — уже не вождь, диакон — и вот что-то приболел.

И всегда в Москве, молясь за них, обращаюсь к востоку. С востока свет!

Был на каком-то выступлении. Выступил, побежал домой. На улице ливень. Московские улицы, машины — как торпедные катера. Ещё и они окатывали. Всего исхлестало, даже майка мокрая. Но радовался: хоть немного получил ощущения Крестного хода, особенно третьего дня, когда перед Великоорецким омывает водичкой с небес. Потом всегда бывает радуга.

Последний день. Сейчас они подходят к церкви Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

У меня питание в телефоне ослабло, и зарядника нет. Но всё ясно так вижу, знаю, как дальше пойдут, как будут в последний раз читать Акафист святителю Николаю.

И как будут жалеть, что Крестный ход закончился. Да, все искусанные, измученные, ноги в мозолях, а такие счастливые!

И вся дальнейшая жизнь наша — ожидание следующего Великокорецкого Крестного хода.

Настоящее и будущее — они как коромысло на плечах. Несём. Не сами торопимся — будто кто подталкивает. И дорога — настоящее — из-под ног уходит. Какое настоящее: чай пил пять минут назад, и чай в прошлом уже.

Шагаем.левой! — в прошлое. Правой! — в будущее. То в одном застрянешь, то в другом. То прошлое перевесит, то будущее. В детстве мы рвали в будущее, в старости греемся прошлым. А будет ли будущее после конца света? Конечно, да для кого только? Ощущение конца света есть уничтожение прошлого. Листья желтеют, умирают, осыпаются. Но они же остаются листьями.

Надо просто жить. Уравновесить в себе два времени. И всё.

А Крестный ход этому учит, в нём соединение времён.

— Солдаты в походе — вот что такое Крестный ход. А молитвы в церкви — солдаты в казарме, готовящиеся к боям за свою душу, за Отечество. Мы идём — ад трепещет, — в который раз говорит отец Матфей. — И никаких таких знаков не надо искать. Мироточения эти. Да, знак. Но знак чего? Почему вы думаете, что к радости? Может, это предупреждение об испытаниях. Или пришли женщины: “Батюшка, мы на горелой сосне видели образ Божией Матери”. На горелой! Да, если взглядеться, то везде можно любое увидеть. Образ им явился! Да кто мы такие, чтоб нам Образ явился?

Солнце встало — вот нам образ! Скворцы прилетели! Картошка взошла, что ещё? Дождя долго нет — наказание, дождь пошёл — награда за молитвы, за добрые дела. В детстве в мороз увидел кольцо вокруг солнца, прибежал в избу: “Мама, мама, мама, посмотри!” Она: “Сыночек, солнышку сегодня тоже холодно, и ему Боженька рукавичку послал”. И всю жизнь помню. Вот какое чудо мама открыла. Чудес хотят. Вот чудо — черёмуха цветёт! Благодарить надо за всё это, благодарить! А мы просим и просим, клянчим и клянчим. А благодарить — один из десяти. Своими ногами идёшь — слава Богу! С костылями идёшь — слава Богу! На четвереньках ползёшь — лишь бы к Богу ползти. И не думать, что Бог не простит, не примет. Разбойнику на Кресте, а он за дело был приговорён, два часа хватило первому в рай войти. Но это же надо великую глубину покаяния и сокрушения. Учитесь сейчас и каждый день жить в мире и умирать для мира. Всё время себя проверять: как жил, как живу, как надо жить.

Жить, как жили до нас крестоходцы. Помните же старух, которые уже не ходят. Упали, как солдаты в бою. Нам эстафету передали. Никто за нас не пойдёт, надо самим. Идти и за собой тащить. Сим победиши!